

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(38).07-08

*Т. В. Кудрявцева***ДЕМАД: PACIS SUASOR, BELLI DISSUASOR***

В статье освещается деятельность афинского оратора и политического деятеля эпохи поздней классики Демада, особенно в качестве посредника и переговорщика, улаживающего конфликты между Афинами и Македонией. Результаты его посредничества можно оценить как достаточно успешные, имея в виду минимизацию последствий афинских поражений или ошибочных решений. Как политик Демад был достаточно гибок и готов идти на компромиссы; содержание его деятельности как посредника было разнообразным: внесение почетных декретов, подготовка псефизм, тайная дипломатия (переписка), ведение переговоров, непосредственные выступления (речи) перед царями и другими наделенными властью лицами. Неустанное миротворчество Демада (пусть и не всегда бескорыстное) позволяет взглянуть на него не только как на корыстолюбивого и циничного остролова или «прямого наймита Македонии», политика можно назвать реалистом и прагматиком, чья промакедонская позиция определялась не какой-либо особой симпатией к македонским царям, а уверенностью в том, что лучший способ обеспечить афинские интересы и гарантировать мирное существование и процветание родного полиса — сотрудничество с той силой, превзойти которую греки были не в состоянии. Библиогр. 30 назв.

Ключевые слова: Демад, Афины, Македония, Демосфен, Филипп II, Александр Македонский, Ламийская война, Антипатр, переговоры, мир, посредник.

*Т. V. Kudryavtseva***DEMADES: PACIS SUASOR, BELLI DISSUASOR**

The article examines the activities of Demades, an Athenian orator and politician of the late classical period, especially as a conciliator and negotiator to handle conflicts between Athens and Macedonia. The results of his peacekeeping missions can be assessed as quite successful, having in mind the minimization of consequences of the Athenian defeat or erroneous decisions. As a politician, Demades was quite flexible and ready to compromise; the content of his activities as a mediator was varied: proposals of honorary decrees, drafting psephisma, secret diplomacy (correspondence), negotiation, performance and public speech before kings and other powerful persons. Demades' tireless peacemaking

Кудрявцева Татьяна Владимировна — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48; tatyavk@yandex.ru

Kudryavtseva Tatyana Vladimirovna — Doctor in History, Professor, Herzen State Pedagogical University, 48, nab. r. Moiki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; tatyavk@yandex.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00390) в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

(though not always unselfish) allows one to view him not just as a greedy and cynical wit or a 'direct hireling of Macedonia'. Rather he can be called a realist and a pragmatist whose pro-Macedonian position stemmed not from any special sympathy with Macedonian kings, but was determined by his belief that the best way to secure Athenian interests and to ensure peaceful coexistence and prosperity of the polis was the cooperation with a power that the Greeks could not overcome. Refs 30.

Keywords: Demades, Athens, Macedonia, Demosthenes, Philip II, Alexander the Great, Lamian War, Antipater, negotiations, peace, conciliator.

Долгое время личность Демада — оратора и политика — была на периферии *personalia*-исследований антиковедов. С одной стороны, ее затмевали более яркие образы современников: Демосфена, Эсхина, Гиперида, Ликурга, с другой — сказывалась нелицеприятная характеристика оратора в источниках, прежде всего в биографиях Плутарха. О Демаде, конечно же, упоминалось в общих и специальных работах по истории позднеклассической и раннеэллинистической Греции, его краткая биография была приведена в *Prosopographia Attica* Кирхнера [Kirchner 1901, S. 214–216] и в *Realencyclopädie* Паули–Виссова [Thalheim 1901, Sp. 2703–2704], но серьезных научных исследований, посвященных данному персонажу, не было. «Лед тронулся» относительно недавно: на рубеже 80-х — 90-х годов XX в. появились две статьи — Дж. Уильямса [Williams 1989] и М. Марци [Marzi 1991], а в 2000 г. была опубликована монография П. Брюна «Оратор Демад» [Brun 2000], замеченная и отмеченная научным сообществом, что подтверждает немалое количество рецензий [Маринович 2004; Worthington 2002; Bertrand 2003; Engels 2004]. Автор попытался не столько реабилитировать своего героя, сколько «произвести переоценку» [Brun 2000, p. 16], посмотреть на него беспристрастно, с разных сторон, уделяя особое внимание эпиграфическим источникам и свидетельствам, современным описываемым событиям. Что касается источников, от самого Демада не дошло ни одного письменного сочинения; приписываемая ему речь «О двенадцати годах» — апокриф, риторическое упражнение времен ранней Римской империи, содержащее какие-то воспоминания о действительных событиях [Worthington 1991, p. 90–95; Squillace 2003, p. 754–759]. Довольно рано появился *Δημάδεια* — сборник изречений, приписываемых Демаду как известному остро слову; аутентичность содержания подборки, разумеется, сомнительна, хотя в нее могли попасть и настоящие апофтегмы оратора¹. За последние десятилетия вышло несколько изданий декретов и надписей, относящихся к последним десятилетиям существования Афинской демократии, ряд из которых связан с Демадом².

Главную вину за «очернение» Демада П. Брюн возложил на Деметрия Фалерского, который, желая скомпрометировать режим, установленный македонянами, а свой, наоборот, представить как продолжение демократических Афин, превозносил своего друга Фокиона, приписав ему некоторые деяния Демада, а последнему для контраста — ряд пороков [Brun 2000, p. 171–176]³; с точки зрения же создания историографического мифа главную лепту внес Плутарх, который подчеркивал

¹ Сведения о Демаде, а также приписываемые ему изречения или фрагменты речей, часть из которых могут быть подлинными, собраны в [De Falco 1954].

² Декреты и надписи, имеющие отношение к Демаду, собраны в [Oikonomides 1956, p. 105–129].

³ Свою лепту в очернение Демада и забвение его заслуг внесли также Стратокл и Демохар, племянник Демосфена.

превосходство своих любимых героев — Фокиона и Демосфена — на фоне их антипода Демада. Действительно, начиная биографию Фокиона, херонейский историк целый абзац посвящает Демаду (!): «Оратор Демад, который угодничеством перед македонянами и Антипатром приобрел в Афинах большую силу, но часто бывал вынужден выступать вопреки достоинству и обычаям своего города, любил оправдывать себя тем, что управляет лишь обломками государственного корабля. <...> Демад сам был погубителем для государства, отличаясь и в частной жизни, и у кормила правления такой разнузданностью, что как-то раз, когда Демад уже состарился, Антипатр сказал: “От него, как от закланной жертвы, остались только язык да желудок”» (Рhos. 1, 1–2; перевод здесь и далее С. П. Маркиша). Вслед за Плутархом античные авторы (Арриан в пересказе Фотия, Павсаний, Элиан, Авл Геллий) с удовольствием рассуждали о низких нравственных качествах Демада, часто в назидательных или сравнительных целях. Под влиянием этой традиции оказалась и современная историография, характеризовавшая нашего героя как политического плута, коррупционера и даже предателя, пользовавшегося бедственным положением своей отчизны для личного возвышения и обогащения⁴. Аргументы П. Брюна кажутся достаточно убедительными. На самом деле античные и современные авторы рисовали противоположность между Демадом и Фокионом резкими красками. Резонно возникает вопрос: насколько справедлив образ Демада как вместилища различного рода пороков?⁵

В нашей статье мы предполагаем сделать акцент на деятельности Демада в качестве посредника при урегулировании военных конфликтов, точнее минимизации их последствий, чем ему приходилось заниматься неоднократно.

«Личная дипломатия», строившаяся вокруг персоны посланника, играла большую роль во взаимных сношениях греческих полисов друг с другом и с другими государствами (например, Персией); неслучайно даже заключенные соглашения назывались по имени такого посланника: «Каллиев мир», «Фераменов мир», «Филократов мир» и т. д. Важные договоры представляли не обычные глашатаи, а отобранные авторитетные личности: так, ознакомление потенциальных союзников с договором о новом Афинском морском союзе было возложено на самого видного в тот момент в Афинах политика (Каллистрата) и выдающихся стратегов (Хабрия и Тимофея). Не всегда эта деятельность была бескорыстна: тот же Филократ, принимавший участие во всех трех посольствах к Филиппу Македонскому в 346 г.⁶, через несколько лет (343 г.) был обвинен Гиперидом во взятке от македонского царя. Обвинение было выдвинуто в виде исангелии с формулировкой «если кто, будучи оратором, говорит вопреки интересам афинского народа, получая деньги и подарки от врагов демократии» (Нур. IV, 29; перевод здесь и далее Л. М. Глускиной). Филократ вынужден был удалиться в изгнание, чтобы избежать смерти; ему был заочно вынесен смертный приговор (Нур. IV, 29; Aeschin. II, 6; III, 79) [Кудрявцева 2008, с. 343–344]. Правда, в том же году другой член посольства — Эсхин — был

⁴ Брюн приводит достаточно внушительный список, в основном французских исследователей, в их числе — Г. Глотц, П. Клоше, П. Руссель, К. Моссе, Э. Виль и др. [Brun 2000, p. 17–40].

⁵ Это сомнение отнюдь не исключает того, что Демад, скорее всего, не отличался моральным совершенством и нравственной безразличностью. При сопоставлении пары героев нередко оттеняются пороки одного, дабы акцентировать добродетели другого; нечто похожее мы наблюдаем в антиезде: коррумпируемый Фемистокл vs неподкупный Аристид.

⁶ Все даты далее в статье «до н. э.».

оправдан незначительным большинством голосов на процессе в связи со сдачей отчета (эвтины): среди обвинений, выдвинутых против него Демосфеном, едва ли не основным было принятие даров от македонского царя Филиппа (XIX, *passim*, особенно: 17–101; 155–161).

О том, что Демад за свое посредничество тоже получал деньги от македонских царей, упоминает Гиперид, называя в качестве источника наживы и для Демада, и для Демосфена, помимо денег «от царя и Александра», также «псефизмы и проксении» (Нур. VI, стб. XXV). В энциклопедии Суды упоминается о некоей собственности в Беотии, подаренной оратору Филиппом II (κτῆματα ἐν Βοιωτία παρὰ Φιλίππου δωρεὰν ἔλαβεν — Suid. D 415. Δημάδης, 1).

Следует учесть: понятие «взятка» в античности отличалось от современного, что находит отражение в том термине, каковым чаще всего обозначалось данное понятие: δωροδοκία, т. е. принятие подарка [Taylor 2001, p. 53]. Принятие даров было допустимым, главное, чтобы дарополучатель не действовал вопреки интересам родного полиса (Нур. VI, стб. XXIV; Din. I, 11; II, 15) [Brun 2000, p. 151–170; Маринович 2004, с. 231]. Упрек в незаконном обогащении — стандартный прием очернения противника (e.g. Dem. XVIII. 131), а обвинения во взяточничестве нередко становились оружием в политической борьбе [Taylor 2001, p. 55–64].

Хотя подарки часто предлагались и часто принимались, многое зависело от нравственных качеств самого посредника. Плутарх рассказывает, как после переговоров в 335 г. Александр, проникшись уважением к Фокиону, послал тому сто талантов, но Фокион категорически отказался взять деньги (Plut. Phoc. 18, 1). Сравнивая двух политиков, Плутарх приводит слова македонского военачальника Антипатра, который будто бы говорил, что «у него в Афинах два друга — Фокион и Демад: первого он никак не убедит принять от него подарок, а второму, сколько ни дарит, все мало» (Phoc. 30, 2).

О том, как развивалась карьера Демада до его первого посредничества в 338 г. (после битвы при Херонее), у нас очень мало сведений. Демад, сын Демеи, родился ок. 380 г., приписан был к пеанийскому дему, т. е. приходился земляком и примерным сверстником Демосфену (тот родился в 384/3 гг.). Считается, что происходил Демад из бедной семьи, одно время был простым моряком (гребцом), однако смог стать видным оратором и дипломатом благодаря таланту и упорству (Suid. D 414. Δημάδης; 415. Δημάδης 1; Sext. Empir. Mathem. II. 16; Quint. II. 17. 12). П. Брюн попытался пересмотреть это устоявшееся мнение: по его мнению, Демад был родом вовсе не из низших слоев общества; упоминания в его биографии морского прошлого имели основой его деятельность как негоцианта или судовладельца [Brun 2000, p. 41–46]. Во всяком случае в надписи, датируемой серединой 30-х годов (IG II² 1623), он выступает в качестве одного из поручителей (стк. 161 — ἐγγυηταὶ τ[ούτω] ν) за триерархов (стк. 188–189)⁷.

В битве при Херонее Демад попал в плен, и именно через него Филипп Македонский начал переговоры с афинянами (Diod. XVI, 87). Вел он себя в этой ситуации мужественно (в отличие от Демосфена, который был никудышным бойцом и, как известно, покинул свое место в строю и бросил свой щит — Aeschin. III, 152; 244; Plut. Dem. 20; [Plut.] Mor. 845). Рассказ о встрече на поле брани Демада

⁷ События, о которых идет речь в надписи, относятся к 341 г.

и македонского царя приводит Диодор⁸: Филипп, выпив немалое количество неразбавленного вина (о том, что македонский царь так праздновал победу, пишет и Плутарх — *Dem.* 20, 3), устроил что-то вроде комоса вместе со своими друзьями, прошеествовав через толпу пленников и насмехаясь над их несчастьем. И тогда Демад дерзко заявил (χρήσασθαι παρρησίᾳ): «О, царь, когда Судьба выбрала тебя на роль Агамемнона, не стыдно ли исполнять партию Терсита?» (*Diod.* XVI, 8, 1–2)⁹. Устыженный Филипп совершенно изменил свое поведение: выбросил венок, выразил свое восхищение оратором, освободил его, дал место в своей свите, а позже освободил всех афинских пленников без выкупа и передал для погребения тела павших (*Ibid.* 3)¹⁰.

В момент прибытия в Афины Демада с мирным предложением от Филиппа II ситуация в городе была отчаянной: готовились к эвакуации женщин и детей, была объявлена всеобщая мобилизация (*Luc. Leocr.* 16). Гиперид внес свою знаменитую псефизму о том, чтобы пополнить ряды защитников города, наделив гражданскими правами метеков, должников и освободив рабов (*Hur.* fr. 18). По мнению Дж. Сквилаче, Демад тогда же предложил в качестве экстраординарной почести объявить Филиппа тринадцатым олимпийским богом (*Apsin. Rhet.* IX, 470 Walz) [Squillace 2003, p. 756–758]¹¹, впрочем, есть большие сомнения в достоверности рассказа Апсина, автора «Искусства риторики»¹². В качестве уже официального посла Демад отправился к Филиппу договариваться о судьбе пленных (*Suid.* D 415. Δημάδης 2). В этом новом посольстве «ради спасения государства (ὕπὲρ τῆς σωτηρίας τῆς πόλεως)» приняли участие также Эсхин (*Aeschin.* III, 227) и, вероятно, Фокион. После отъезда посольства Филипп отправил в Афины Антипатра и своего собственного сына Александра с проектом договора о дружбе и союзе: македонское войско не вступает в Аттику, в Пирей не войдет ни один чужой военный корабль, Ороп, захваченный в 366 г. до н. э. фиванцами, возвращается афинянам (последнее можно рассматривать и как жест доброй воли, и как подкуп) (*Just.* IX, 4, 5; *Paus.* I, 34, 1; [*Dem.*] XVII, 26; *Ael. Ar. Orat.* 13, 182; 19, 258). Афины сохраняли контроль над Лемносом, Имбросом, Скиросом, Самосом и Делосом (*Arist. Ath. Pol.* 61, 5; 62, 2; *IG II²* 1652; *Diod.* XVIII, 56, 7).

Следующей инициативой Демада стало предложение, чтобы афиняне приняли участие в Коринфском конгрессе и заключении общего мирного договора греков с Филиппом (*Plut. Phoc.* 17, 4).

В 337 г. Гиперид обвинил Демада по жалобе на противозаконие (γυραφή παρανομῶν) за внесение почетного декрета о даровании проксении жителю Олинфа Эвфикрату (*Hur.* Fr. 19, 76–79). Оратор обвинял Эвфикрата, помимо прочего,

⁸ Высказывалось мнение, что источником Диодора в этой и последующих главах (91–94) был Диил Афинский (*Diyllus Syntaxis II*) [Hammond 1938, p. 150–151].

⁹ Дж. Сквилаче [Squillace 2003, p. 755–756] обращает внимание на точность и эффективность выбранного сравнения: и творец панэллинской идеи Исократ, и, очевидно, сам Филипп соотносили македонского царя с верховным предводителем ахейцев в Троянской войне (*Isocr. Panath.* 74–84; см. также оракул, данный Филиппу в 336 г. — *Diod.* XVI, 91, 2 = *Paus.* VIII, 7, 6).

¹⁰ По Диодору (*XVI*, 86, 5), убито было более 1000 афинян, взято в плен — не менее 2000.

¹¹ Подробнее итальянский ученый писал об этом в более ранней статье [Squillace 2002, p. 31–46].

¹² Обычно указывают на то, что Апсин мог перепутать инициативу Демада с известной процессией в Эгах, когда на свадьбе Филиппа в 336 г. пронесли статуи 12 богов-олимпийцев, а затем изображение самого царя, включив его тем самым в их число (*Diod.* XVI, 92, 5) [Brun 2000, p. 100].

в том, что тот посодействовал сдаче своего родного города Филиппу («будучи гиппархом, предал олинфских всадников»). В этой же речи Гиперид упоминает двух македонян, Алкимаха и Антипатра, которым были предоставлены афинское гражданство и проксения (Fr. 19, 77): предположительно, это было сделано также по инициативе Демада [Brun 2000, p. 33, 177; Horváth 2008, p. 33; Horváth 2009, p. 205, p. 76].

Демад продолжал осуществлять посредническую деятельность и при наследнике Филиппа, Александре. Видимо, он принимал участие в посольстве к Александру в 336 г., когда тот, вступив на престол, добивался от греков признания отцовских полномочий, полученных на Коринфском конгрессе (Diod. XVII, 4, 6; Just. XI, 3, 5). Арриан утверждает, что напуганные стремительным появлением в Элладе юного македонского царя афиняне оказали Александру еще большие почести, чем Филиппу (Arr. Anab. I, 1, 3). Хотя имя Демада не называется, высказывалось предположение, что соответствующую псефизму мог внести именно этот оратор [Squillace 2003, p. 759]. Кстати, анонимный автор речи «О двенадцати годах» говорит, что после воцарения Александра Демад работал над тем, чтобы сохранить мир, призывая избегать ситуаций, которые могли бы навредить родному полису ([Demad.] Dodecaetia, 14–15).

В следующем году (335 г.), пока македонский царь умиротворял пограничные варварские племена на фракийской границе, Демосфен и Ликург стали активно распускать слух о гибели Александра от рук трибаллов, а воодушевленные фиванцы осадили македонский гарнизон в Кадмее. Афиняне по настоянию Демосфена приняли решение о поддержке фиванцев, начав военные приготовления, хотя с отправкой вооруженного отряда в Беотию не спешили (Diod. XVII, 8; Plut. Dem. 23, 2). Плутарх утверждает, что сдерживал порыв своих соотечественников Фокион (Phoc. 17, 1), но, с большой долей вероятности, Демад ему в этом активно способствовал. После подавления восстания и разрушения Фив в сентябре 335 г. Александр потребовал немедленной выдачи 8 (или 10) афинских политиков (Plut. Dem. 23, 3)¹³. Как только в Афинах стало известно об участии Фив, было прервано празднование Элевсинских мистерий, и народное собрание по предложению Демада отправило к македонскому царю посольство из 10 человек во главе с оратором, которое, как уверяет Арриан, должно было поздравить Александра (несколько запоздало) с благополучным возвращением и выразить удовлетворение от заслуженного наказания фиванцев (Arr. Anab. I, 10, 3; о первом посольстве — Just. XI, 4, 10; Plut. Phoc. 17, 4). Демосфен также входил в состав миссии, но, испугавшись гнева царя, свернул с полдороги (Aeschin. III, 161; Plut. Dem. 23, 3).

О встрече послов с царем мы имеем два противоположных рассказа: по Плутарху, Александр швырнул постановление афинян на землю и убежал, отвернувшись от послов (φυγεῖν ἀποστραφέντα τοὺς πρέσβεις) (Plut. Phoc. 17, 4); по Арриану, он встретил послов достаточно любезно, но передал с ними письмо к демосу, в котором требовал выдачи Демосфена, Ликурга, Гиперида и других афинских подстрекателей мятежа (Arr. Anab. I, 10, 4). После фактического провала первой миссии настроение в экклесии было весьма удрученным, но народ одобрил «умело» (φιλοτέχνως) составленную Демадом псефизму, в которой была просьба о про-

¹³ О том, кто именно входил в этот список, и ссылки на обсуждение этого вопроса в историографии см.: [Horváth 2008, p. 28–29].

щении тех, кто вызвал гнев Александра, и обещание наказать их по закону, если они заслуживают наказания (Diod. XVII, 15, 3). Плутарх (Phoc. 17, 2) ставит во главе второго посольства своего любимого Фокиона, но высказывалось обоснованное, на наш взгляд, мнение, что его главой был именно Демад [Brun 2000, p. 75–76; Squillace 2003, p. 760; Horváth 2008, p. 30]. И Диодор, и Плутарх особо подчеркивают его выступление¹⁴: со всей силой своего красноречия оратор умолил македонского царя простить Демосфена со товарищи и примириться с афинянами; при этом, как утверждают оба автора, Демад получил 5 серебряных талантов от тех, чьей выдачи добивался Александр (Plut. Dem. 23, 5; Diod. XVII, 15, 3). Александр смилостивился, велел отправить в изгнание только Харидема (Arr. Anab. I, 10, 5). За это успешное посредничество Демаду была оказана великая честь: поставлена медная статуя на агоре, предоставлены бесплатные обеды в пританее (Din. I, 101).

Демад играл видную роль в афинской политике второй половины 30-х — начала 20-х годов, конструктивно сотрудничая с Ликургом, хотя едва ли эти два политика испытывали взаимную симпатию. В 334–331 гг. Демад был казначеем военного фонда (IG II² 1493, стк. 7–17)¹⁵, и в таком качестве в 331 г. он убедил афинян не поддерживать антимакедонское выступление спартанского царя Агиса, призывая не тратить деньги на триеры для спартанцев, а сохранить их для родного полиса ([Plut.] Mor. 818e–f). Будучи ταμίας τῶν σφραγιστικῶν, Демад вместе с буле заботился о сооружении золотых статуй Ники и о наградах для Панафинейских состязаний (Arist. Ath. pol. 49, 3). Специальная комиссия, которая ведала изготовлением утвари для процессий и изображений богини победы, была создана по инициативе Ликурга ([Plut.] Mor. 852b; IG II² 457). В 330 г. вместе с Ликургом в составе священного посольства Демад отправился в Дельфы в качестве ἱεροποιοῦς, а в 329/8 г. оба политика были в числе эпимелетов на играх в честь героя Амфиарая в Оропе (Syll³. 296, 298)¹⁶.

В 324 г., когда Александр потребовал, чтобы греки оказали ему божественные почести, Демад, убеждая сограждан подчиниться этому требованию, произнес свою знаменитую фразу: «Смотрите, как бы, пока вы защищаете небо, не потерять землю» (uidete ‘inquit’ ne, dum caelum custoditis, terram amittatis — Val. Max. VII, 2(ext.), 13). По утверждению Элиана, оратор даже предложил назначить македонского царя тринадцатым богом, но народное собрание с негодованием отвергло эту псефизму, присудив Демаду штраф в 100 талантов (Ael. V, 12); впрочем, могут возникнуть сомнения в точности формулировки и в сумме штрафа¹⁷. Афиной дает бо-

¹⁴ С тем, что именно Демаду удалось смягчить Александра, согласны многие исследователи. Кроме вышеупомянутых см., напр.: [Errington 1990, p. 92; Worthington 2000, p. 92].

¹⁵ Подробнее об эпиграфических источниках, подтверждающих занятие Демадом поста ταμίας σφραγιστικῶν, и о сроках его пребывания в должности см.: [Mitchel 1962, p. 213–229].

¹⁶ О совместной финансовой работе Ликурга и Демада на благо родного полиса см.: [Mitchel 1962, p. 213–229; Brun 2000, p. 140–146]. Брюн считает, что Демад внес значительный вклад в успех «Ликурговой политики» in toto, что послужило основой стабильности и процветания Афин вплоть до начала Ламийской войны.

¹⁷ Указывалось, что речь шла только о божественных почестях, а не о введении нового божества, что нарушало старый закон о запрете почитать нетрадиционных богов [Williams 1989, p. 23; Нефедов 2000, с. 17]. Ряд исследователей, впрочем, принимает версию о введении нового бога: [Дройзен 1995, с. 36 (штраф — 100 талантов); O’Sullivan 1997, p. 138–139; Хабиخت 1999, с. 44 (но штраф был 10 талантов); Squillace 2003, p. 761 (итальянский исследователь полагает, что это предложение повторяет аналогичную почесть для Филиппа, которую Демад якобы инициировал после битвы при Херонее)].

лее реалистичную версию произошедшего: афиняне приговорили Демада к уплате десяти талантов за то, что он предложил объявить Александра богом (Athen. VI, 58, 251b). В речи, произнесенной в свою защиту по обвинению в безбожии, Демад, по утверждению Деметрия Фалерского (Eloc. V, 284), заявил, что не он написал эту псефизму, а пишет война копьем Александра (τοῦτο τὸ ψήφισμα οὐκ ἐγὼ ἔγραψα, ἀλλ' ὁ πόλεμος τῷ Ἀλεξάνδρῳ δόρατι γράφω)¹⁸: если это действительно так, своих слушателей оратор отсылал к знаменитой фразе Гиперида по поводу внесенной им псефизмы после Херонейской битвы ([Plut.] Mor. 849a). Возможно, одновременно с обвинением в нечестии против декрета Демада была внесена жалоба на противозаконие¹⁹. Против его предложений, судя по нашим источникам, неоднократно вносились такие жалобы, после чего следовал соответствующий судебный процесс: Плутарх говорит о семи осуждениях, очевидно, включая в них и данный процесс (Phoc. 26, 2), Диодор — о трех (XVIII, 18, 2), Суда — о двух (D 415. Δημάδης 2); несколько раз Демад присуждался к выплате штрафов и в конце концов был подвергнут атии, в частности был лишен права говорить перед народом (Plut. Phoc. 26, 2; Diod. XVIII, 18, 2). Что касается датировки данного процесса Демада, он мог состояться как в 324 г., так и в следующем, 323 г. Как известно, главное было — инициировать обвинение в противозаконии в течение года, пока подсуден автор псефизмы (Dem. XX, 144), принесся в народном собрании клятву (ὕπνωσις), а далее жалоба могла находиться какое-то время в «спящем виде» (как это было в случае знаменитого процесса «о венке» — обвинение Эксином Ктесифонта). К «разморозке» иска и доведению его до суда противников Демада могло подтолкнуть то обстоятельство, что в случае успеха обвинения и последующей атии как возможного наказания был бы лишен слова убедительный в своих речах противник любой антимакедонской авантюры — в момент, когда вопрос о начале открытых военных действий горячо обсуждался в обществе (о дискуссии в преддверии Ламийской войны — Plut. Phoc. 27). Однако в отличие от высказывавшегося в литературе мнения о том, что и иск, и процесс были результатом успешной атаки на Демада «антимакедонской партии» в начале Ламийской войны [Williams 1989, p. 24; Нефедов 2000, с. 17]²⁰, мы полагаем, что обвинение было внесено еще в 324 г., а процесс состоялся в конце лета или начале осени 323 г., до старта непосредственных военных действий.

Чрезмерность предложенных Демадом божественных почестей Александру в 324 г. могла проистекать из желания добиться благосклонности царя в связи с возникшей проблемой: последовал знаменитый декрет Александра о возвращении изгнанников (Diod. XVII, 109; Curt. X, 2, 4), в связи с которым под угрозой оказались афинские клерухи на Самосе, обосновавшиеся там несколько десятилетий тому назад на месте изгнанных местных жителей. Александр вроде бы в Сузах или в своем военном лагере в начале весны публично провозгласил, что вернет остров

¹⁸ Де Фалко, как и [Дройзен 1995, с. 36], относит эту речь Демада ко времени после смерти Александра, когда, по его мнению, состоялся процесс против оратора по обвинению в асеебии [De Falco 1954, p. 25–26].

¹⁹ В недавно найденном на палимпсесте фрагменте речи Гиперида против Дионда находим такой пример одновременного внесения нескольких исков: в один день против Гиперида Дионд внес три разных обвинения, включая обвинение в противозаконии (Hyp. Dion. 145r 15ff) [Horváth 2009, p. 200].

²⁰ Брюн предполагает, что процесс мог состояться в конце 323 г. [Brun 2000, p. 111].

самосцам (Syll.³ 312); известия об этом могли уже достичь Афин к началу лета, когда начались дебаты по поводу предоставления царю божественных почестей. Демосфен по той же причине — не раздражать Александра в свете самосской проблемы — не возражал против обожествления царя [Хабихт 1999, с. 39]. Как утверждал Демад, оратор убеждал народ не спорить с Александром из-за небесных почестей (I, 94). К тому же для недовольства царя афинянами имелась очень веская причина.

Примерно тогда же (лето 324 г.) Демад наряду с Демосфеном и еще некоторыми лицами оказался замешан в темную историю, связанную с Гарпалом, проворовавшимся казначеем Александра Македонского, который бежал из Вавилона с 5000 талантами (Diod. XVII, 108. 6; Curt. X, 2, 1)²¹. В середине лета Гарпалу был разрешен вход в Пирей. Управлявшие Македонией в отсутствие Александра его мать Олимпиада и военачальник Антипатр потребовали выдачи беглеца, но экклесия по предложению Демосфена приняла декрет о взятии Гарпала под стражу и о передаче на хранение в Акрополь оставшихся у него 700 талантов (Нур. V, 8–9; Din. I, 89). Вскоре Гарпал бежал (или его выслали афиняне — Plut. Dem. 25, 6), а из 700 талантов, находившихся под присмотром специальной комиссии (в ее составе был и Демосфен), пропало 350 (Нур. V, 10; [Plut.]. Mor. 846b). Никто не сомневался, что исчезнувшие деньги пошли на подкуп афинских должностных лиц, подозрение пало среди прочих и на Демосфена (Diod. XVII. 108. 8). Тот же, решительно отрицая свою вину, предложил собранию принять декрет о передаче расследования Ареопагу (Din. I, 4, 61, 83–86).

Расследование и рассмотрение дела шло по процедуре апофасиса — по сути, это новая разновидность исангелии, применяемая против тех, кто подозревался в измене, подкупе или попытках ниспровержения демократии. Предварительное следствие вел Ареопаг; слово «ἀπόφασις», используемое для описания всей процедуры, в узком смысле означало здесь доклад с результатами расследования, который Ареопаг представлял экклесии (Din. I, 1). Если экклесия соглашалась с обвинительным вердиктом, ею назначались общественные обвинители и дело передавалось в народный суд (Нур. I, 38; Din. I, 51; 58; II, 20).

Итак, через 6 месяцев Ареопаг представил свой апофасис, был опубликован список с предполагаемыми взяточниками и обозначением сумм, которые они получили (Нур. V, 6). Среди девяти фигурантов значились Демосфен (ему приписывалось получение 20 талантов), Демад, а также демагог Аристокитон и Филокл, начальник верфей и Мунихии, который позволил Гарпалу войти в гавань Пирея (Din. II, 1; III, 1–3). Сумму, которая будто бы досталась Демаду, Динарх определил как 6 000 статов золотом (Din. I, 89), т. е. 18 талантов. Все девять персональных дел были переданы в суд из 1500 дикастов; обвинение, предъявленное ответчикам: принятие взяток во вред отечеству (Din. I, 60; 64; 67; 107). Насколько нам известно, большинство обвиняемых были найдены виновными, правда, пронырливый Аристокитон и тут смог избежать наказания (Din. III, 14; [Dem.]. Ep. III, 37; 42–43). Хотя обвинители мстительно призывали к высшей мере наказания (Din. II, 4), собрание ограничилось обычной для дел о взяточничестве карой — штрафом. Демосфен, который первым предстал перед судом, был приговорен к выплате штрафа в 50 талантов, а так как выплатить он их не смог, был заключен в тюрьму, откуда

²¹ О процессе Гарпала и апофасисе см. в нашей монографии (там же ссылки на литературу): [Кудрявцева 2008, с. 340–344].

ему удалось сбежать, отправившись в изгнание (Plut. Dem. 26). Демад, не дожидаясь исхода процесса, предпочел ссылку — так можно истолковать пассаж из речи Динарха, в котором тот призывает сограждан не щадить Демосфена: «милостивая судьба ведет вас к лучшему, изгнав из города одного губителя отечества и передав вам на казнь другого» (Din. I, 29; перевод Э. Д. Фролова). Хотя имени сбежавшего «губителя отечества» не названо, очевидно, имеется в виду Демад. Правда, через какое-то время (к моменту, когда слухи о смерти Александра достигли Афин) тот опять был в городе (Plut. Phoc. 22, 3): он либо получил помилование (Plut. Phoc. 26, 2), либо выплатил тогда назначенный ему приговором суда штраф [Badian 1961, 35], либо то и другое.

Последние примеры миротворческой деятельности Демада относятся к событиям, последовавшим за смертью Александра Македонского, когда встал вопрос о будущем его державы. Афиняне ввязались в противостояние с наместником Македонии Антипатром, начав в союзе с некоторыми другими греческими общинами Ламийскую войну (323–322 гг.). После неудачной для греков битвы при Кранноне полководцы Менон и Антифил отправили послов к Антипатру с просьбой о мире. Тот отказался, заявив, что будет заключать договор с каждым полисом в отдельности. Греческие отряды отправились по домам, а македонский военачальник захватил Фессалию; многие полисы поспешили выразить свою покорность, и афиняне с этолийцами вскоре остались один на один с армией Антипатра (Diod. XVIII, 17, 6–8). Удрученные граждане Афин потребовали, чтобы Демад был отправлен для переговоров к македонянам. Диодор замечает, что в этот момент Демад не имел права выступать по причине атимии за внесение противозаконных декретов, поэтому, когда в экклесии его выкликали по имени, он молчал. Тогда афиняне отменили атимию (Diod. XVIII, 18, 1–2), и Демад внес предложение отправить к македонскому военачальнику Антипатру послов, облекши их неограниченными полномочиями для переговоров о мире. Вместе с Фокионом и другими посланниками, среди которых был тогдашний глава Академии Ксенократ Халкидонский, он вел переговоры с Антипатром в Фивах (Diod. XVIII, 18, 2; Plut. Phoc. 27, 1; Nep. Phoc. II, 1). При встрече с послами Антипатр потребовал безусловной сдачи и выполнения всех македонских требований, о чем и было доложено согражданам по возвращении в город. В Фивы было отправлено второе посольство уже непосредственно для заключения договора — очевидно, в том же составе. В ходе переговоров (это могло быть как на первом, так и на втором раунде) Антипатр подчеркивал справедливость своих действий, ибо греки напали первыми, а он пытался сохранить мир и только защищался²². Македонский военачальник выдвигает жесткие условия: выдача Демосфена, Гиперида и других лидеров антимакедонской партии; выплата военных издержек и штрафа; ввод македонского гарнизона в афинскую крепость Мунихию; восстановление «отеческого цензового государственного устройства» (Plut. Phoc. 27, 3), т. е. ограничение демократии, введение имущественного ценза (20 мин) — и соответственно уменьшение числа граждан до 9 тыс. (Diod. XVIII, 18,

²² См. последнее прочтение с использованием новейших технологий (ультрафиолет) фрагментов текста Дексиппа с изложением Τὰ μετὰ Ἀλέξανδρον Арриана. Эти фрагменты — из антологии *Excerpta de sententiis*, составленной в X в. для византийского императора Константина VII, находятся на палимпсесте в Ватиканской библиотеке (Vat. gr. 73); fr. (k) — изложение речи Антипатра [Martin 2005, p. 303–304].

4–5; Plut. Phoc. 27, 3). Афиняне вновь потеряли Ороп вместе со святилищем Амфиара. Вопрос об афинских клерухах на Самосе должны были решать «цари» (Филипп III Арридей и новорожденный Александр IV) (Diod. XVIII, 18, 6), т. е. фактически регент Пердикка. По версии Плутарха и Арриана (в передаче Фотия), Демад убедил тогда афинян осудить заочно на казнь бежавших Демосфена, Гиперида и их сторонников, внося соответствующую псефизму (Plut. Dem. 18; Arrian. FgrHist. 156. fr. 9, 13)²³. Требования были приняты — разумеется, без всякого воодушевления, особенно тягостное впечатление произвела неизбежность присутствия в Аттике македонского гарнизона (Plut. Phoc. 27, 4–5)²⁴, и через шесть недель после поражения при Кранноне 20 боэдромиона (19 сентября), в день Великих мистерий, македонский отряд во главе с Мениллом вошел в крепость Мунихию (Plut. Phoc. 28, 2; Dem. 28, 1).

Летом 319 г. Демад отправился в македонскую столицу Пелла для очередных переговоров: афиняне просили его убедить македонян вывести их гарнизон из Мунихии. Фокион, к которому граждане обращались с той же просьбой, всячески увиливал от этой миссии (Plut. Phoc. 30, 4). К тому времени Антипатр был уже тяжело болен (он умер в конце лета), и властью фактически завладел его сын Кассандр. Плутарх рассказывает, что тот перехватил письмо Демада, отправленное к Антигону в Азию; в нем он призывал Антигона «вмешаться в дела Греции и Македонии, которые, как писал он, издеваясь над Антипатром, болтаются на старой и гнилой нитке (ἔκ παλαίου καὶ σαπροῦ κρεμαμένοιοι στῆμονος)» (Plut. Phoc. 30, 5). Однако в биографии Демосфена, рассказывая о том же эпизоде, беотийский историк говорит о письме к Пердикке (Plut. Dem., 31, 3). Регент к этому времени уже погиб (в 320 г. во время первой войны диадохов), но какие-то контакты с Пердиккой Демад вполне мог поддерживать ранее. В рассказе Диодора о гибели Демада опять же появляется Пердикка: еще раньше Антипатр, который действительно был расположен к Демаду, получил некие письма, найденные после смерти Пердикки в царском архиве; в них Демад предлагает регенту быстро переправиться в Европу и выступить против македонского правителя; Антипатр с тех пор больше не доверял Демаду, но скрывал свою враждебность (Diod. XVIII, 48, 2). Арриан также говорит о письме к Пердикке (Arrian. FgrHist. 156. fr. 9, 14). Двойная рискованная дипломатическая игра, которую вел Демад с Антипатром и Пердиккой в интересах Афин, привела политика к гибели.

Обвинителем Демада Плутарх и Арриан (в изложении Фотия) называют коринфянина Динарха, однако едва ли можно говорить о каком-то полноценном судебном процессе (Plut. Dem. 31, 4; Arrian. FgrHist. 156. fr. 9, 15). По Плутарху, Кассандр приказал схватить Демада, «едва тот появится у него перед глазами, и, прежде всего, велел убить его сына Демею, поставив юношу так близко от отца, что Демад был залит кровью с головы до ног», а потом, осыпав его бранью и упреками в неблагодарности и предательстве, казнил (Plut. Phoc. 30, 6). Арриан в утраченной

²³ Плутарх говорит о Демаде как авторе псефизмы только в биографии Демосфена. Корнелий Непот приписывает эту инициативу Фокиону (Nep. Phoc. 2, 1), что позволяет усомниться в версии Плутарха. См., напр.: [Brun 2000, p. 118–119; Roisman, Worthington 2015, p. 138, n. 132 (со ссылкой на: Dmitriev S. Demades of Athens (227). T 118 // Brill's New Jacoby)].

²⁴ А. Бейлис не исключает, что во время переговоров именно Демад убеждал Антипатра воздержаться от размещения гарнизона [Bayliss 2011, p. 140].

«Истории после Александра» также говорит об убийстве Демее в объятиях Демада (Arrian. FgrHist. 156. fr. 9, 14). Даже если Кассандр действовал по своей инициативе, он делал это с одобрения или санкции своего отца. В рассказе Диодора главным действующим лицом является все-таки Антипатр: Демад, в соответствии с поручением афинян, потребовал выполнения обещаний и даже высказал какие-то угрозы в адрес македонского гарнизона; Антипатр ему ничего не ответил, молча передав оратора и его сына в руки палачей; их отвели в тюрьму и там казнили (Diod. XVIII, 48, 3–4).

Так закончилось последнее посредничество Демада, показывающее, что подобная миссия могла быть рискованной и риск бывал смертельным. В отблеске трагической, почти мученической гибели афинского политика во имя родного полиса несколько иной предстает и вся жизнь этого в высшей степени незаурядного деятеля эпохи поздней классики: по крайней мере, его неустанное миротворчество (пусть и не всегда бескорыстное) позволяет взглянуть на него не только как на корыстолюбивого и циничного остролова или «прямого наймита Македонии»²⁵. Как политик Демад был достаточно гибок и готов идти на компромиссы; содержание его деятельности как посредника было разнообразным: внесение почетных декретов, подготовка псефизм, тайная дипломатия (переписка), ведение переговоров, выступления с речами перед царями и другими наделенными властью лицами. Демада можно назвать реалистом и прагматиком²⁶, чья промакедонская позиция определялась не какой-либо особой симпатией к македонским царям или приверженностью монархической идее, а уверенностью в том, что лучший способ обеспечить афинские интересы и гарантировать мирное существование и процветание родного полиса в новых условиях — поиск согласия и сотрудничество с той силой, превзойти которую греки были не в состоянии. Анализ деятельности Демада показывает, что приписывание патриотизма исключительно так называемой «антимакедонской партии» и обвинение ее оппонентов в предательстве — не что иное, как модернизаторство и искажение реальной ситуации в позднеклассических Афинах.

Список сокращений

FgrHist — Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Tl. I–III. Berlin; Leiden: Weidmann; Brill 1923–1958.

IG II² — Inscriptiones Graecae. Editio minor. Vol. II–III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores / ed. J. Kirchner. Berlin: G. Reimer, 1913–1940.

RE — Pauly A., Wissowa G., Kroll W. Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart: J. B. Metzler, 1893–1978.

Syll³ — Sylloge Inscriptionum Graecarum, editio tertia.

²⁵ Л. П. Маринович постоянно использовала это определение по отношению к Демаду [Маринович 1983, с. 211, 234, 241].

²⁶ Эррингтон, определив Демада как «умеренного реалиста» (moderate realist), поставил его в один ряд с Фокионом и Ликургом [Errington 1990, p. 85]. Й. Энгельс также ставит Демада в ряд с реалистами и прагматиками — стратегами и риториками позднеклассических Афин, которые пытались защитить особый статус Афин и определить новую роль полиса в условиях быстро меняющейся действительности [Engels 2004, S. 235].

Литература

- Дройзен И. История эллинизма. Т. 2. Ростов н/Д: Феникс, 1995. 544 с.
- Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб.: Алетейя, 2008. 463 с.
- Маринович Л. П. Афины при Александре Македонском // Античная Греция. Т. 2: Кризис полиса. М.: Наука, 1983. С. 208–258.
- Маринович Л. П. P. Brun. L'orateur Démosthène. Essai d'histoire et d'historiographie (Ausonius publications. Scripta Antiqua. 3). Bordeaux, 2000 // Вестник древней истории. 2004. № 2. С. 228–233.
- Нефедов К. Ю. Культ правителя в афинской пропаганде времен Ламийской войны (323–322 гг. до н. э.) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Сер. Історія. 2000. № 485, вип. 32. С. 12–20.
- Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху / пер. с нем. Ю. Г. Виноградова. М.: Ладомир, 1999. 416 с.
- Badian E. Harpalus // Journal of Hellenic Studies. 1961. Vol. 81. P. 16–43.
- Bayliss A. J. After Demosthenes: The Politics of Early Hellenistic Athens. London; New York: Continuum, 2011. 277 p.
- Bertrand J.-M. [Rev.] Patrice Brun. L'orateur Démosthène. Essai d'histoire et d'historiographie. Bordeaux, Ausonius — Paris, De Boccard, 2000 // L'Antiquité Classique. 2003. T. 72. P. 539–540.
- Brun P. L'orateur Démosthène. Essai d'histoire et d'historiographie. Bordeaux; Paris: Ausonius, 2000. 199 p. (coll. Scripta Antiqua, 3).
- De Falco V. Demade Oratore. Testimonianze e Frammenti / A cura di Vittorio de Falco. Napoli: Libreria Scientifica Editrice, 1954. 111 p.
- Engels J. [Rev.] Patrice Brun. L'orateur Démosthène. Essai d'histoire et d'historiographie. Bordeaux; Paris: de Boccard, 2000 // Gnomon. 2004. Bd 76. S. 232–236.
- Errington E. M. A History of Macedonia. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1990. 320 p.
- Kirchner J. Prosopographia Attica. Vol. I. Berolini: G. Reimeri, 1901. 603 S.
- Hammond N. G. L. The Sources of Diodorus Siculus XVI // Classical Quarterly. 1938. Vol. 32. P. 137–151.
- Horváth L. Dating Hyperides' "Against Diondas" // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2008. Bd 166. P. 27–36.
- Horváth L. HYPERIDEA // Bulletin of the Institute of Classical Studies 2009. Vol. 52. P. 187–222.
- Martin G. Antipater after the Lamian War: New Readings in Vat. Gr. 73 (Dexippus fr. 33) // Classical Quarterly. 2005. Vol. 55. P. 301–305.
- Marzi M. Demade politico e oratore // Atene e Roma. 1991. Vol. 36. P. 87–104.
- Mitchel F. W. Demades of Paeania and IG II². 1493, 1494, 1495 // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1962. Vol. 93. P. 213–229.
- Oikonomides A. Ν. Δημάδου τοῦ Παϊανιέως ψηφίσματα καὶ ἐπιγραφικὰ περὶ τοῦ βίου πηγὰι // Platon. 1956. Vol. 8. P. 105–129.
- Roisman J., Worthington I. Introduction and commentary // Lives of the Attic Orators: Texts from Pseudo-Plutarch, Photius, and the Suda. Oxford; New York: Oxford University Press, 2015. 381 p.
- Squillace G. Filippo 'triskadeikatos theos' nella proposta di Demade del 338 a.C. // Miscellanea di studi storici (1998–2001). 2002. Vol. XI. P. 31–46.
- Squillace G. La figura di Demade nella vita politica ateniese tra realtà e invenzione // Mediterraneo Antico. An. VI, fasc. 2. 2003. P. 751–764.
- Taylor C. Bribery in Athenian Politics Part I: Accusations, Allegations, and Slander // Greece & Rome. 2001. Vol. 48. P. 53–66.
- Thalheim Th. Demades // RE. 1901. Bd 4. Sp. 2703–2704.
- Williams J. M. Demades' Last Years, 323/2–319/8 B.C.: A "Revisionist" Interpretation // Ancient World. 1989. Vol. 19. P. 19–30.
- Worthington I. The Context of [Demades] On the Twelve Years // Classical Quarterly. 1991. Vol. 41. P. 90–95.
- Worthington I. Demosthenes and Alexander the Great // Demosthenes: Statesman and Orator / ed. I. Worthington. London; New York: Routledge, 2000. P. 90–113.
- Worthington I. Demades Re-Examined // Classical Review. 2002. Vol. 52. P. 41–42.

Для цитирования: Кудрявцева Т. В. Демад: pacis suator, belli dissuasor // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 4. С. 159–173. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.412

References

- Droizen J. *Istoriia ellinizma [History of Hellenismus]*, vol. 2. Rostov-on-Don, Fenix Publ., 1995, 544 pp. (In Russian)
- Kudryavtseva T. V. *Narodnyi sud v demokraticeskikh Afinakh [The Popular Court in Democratic Athens]*. St. Petersburg, Aleteya, 2008, 463 pp. (In Russian)
- Marinovich L. P. 1983: Afiny pri Aleksandre Makedonskom [Athens in Alexander the Great Times]. *Antichnaia Gretsia [Ancient Greece]*, vol. 2, Krizis polisa [The Crisis of Polis]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 208–258. (In Russian)
- Marinovich L. P. P. Brun. L'orateur Démade. Essai d'histoire et d'historiographie (Ausonius publications. Scripta Antiqua. 3). Bordeaux, 2000. *Vestnik drevnei istorii [Journal of Ancient History]*, 2004, no. 2, pp. 228–233. (In Russian)
- Nefedov K. Yu. Kul't pravitel'ia v afinskoj propagande vremen Lamiiskoi voiny (323–322 gg. do n.e.) [The Cult of the Ruler in Athenian Propaganda in Lamian War Times]. *Vestnik Har'kovskogo universiteta imeni V.N. Karazina [Vestnik of Kharkiv University named after V.N. Karazin]. Series History*, 2000, no. 485, issue 32, pp. 12–20. (In Russian)
- Habicht Ch. *Afiny. Istoriia goroda v ellinisticheskuiu epokhu [Athens: The History of City in Hellenistic times]*. Moscow, Lodomir Publ., 1999, 416 pp. (In Russian)
- Badian E. Harpalus. *Journal of Hellenic Studies*, 1961, vol. 81, pp. 16–43.
- Bayliss A. J. *After Demosthenes: The Politics of Early Hellenistic Athens*. London, New York, Continuum, 2011, 277 pp.
- Bertrand J.-M. [Rev.] Patrice Brun. L'orateur Démade. Essai d'histoire et d'historiographie. Bordeaux, Ausonius — Paris, De Boccard, 2000. *L'Antiquité Classique [The Classical Antiquity]*, 2003, vol. 72, pp. 539–540. (In French)
- Brun P. *L'orateur Démade. Essai d'histoire et d'historiographie [Orator Demades: The Analysis of History and Historiography]*. Bordeaux, Paris, Ausonius, 2000, 199 pp. (coll. Scripta Antiqua, 3). (In French)
- De Falco V. *Demade Oratore. Testimonianze e Frammenti [Demades Orator. Evidence and Fragments]*. Ed. by V. de Falco. Napoli, Libreria Scientifica Editrice, 1954, 111 pp. (In Ancient Greek and Latin)
- Engels J. [Rev.] Patrice Brun. L'orateur Démade. Essai d'histoire et d'historiographie [Patrice Brun. Orator Demades: The Analysis of History and Historiography]. Bordeaux, Paris, de Boccard, 2000. *Gnomon*, 2004, vol. 76, pp. 232–236. (In French)
- Errington E. M. *A History of Macedonia*. Berkeley, Los Angeles, Oxford, University of California Press, 1990, 320 pp.
- Kirchner J. *Prosopographia Attica [The Attic Prosopography]*, vol. I. Berolini, G. Reimeri Publ., 1901, 603 pp. (In Latin)
- Hammond N. G. L. The Sources of Diodorus Siculus XVI. *Classical Quarterly*, 1938, vol. 32, pp. 137–151.
- Horváth L. Dating Hyperides' "Against Diondas". *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik [Journal of Papyrology and Epigraphy]*, 2008, Bd. 166, pp. 27–36.
- Horváth L. HYPERIDEA. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 2009, vol. 52, pp. 187–222.
- Martin G. Antipater after the Lamian War: New Readings in Vat. Gr. 73 (Dexippus fr. 33). *Classical Quarterly*, 2005, vol. 55, pp. 301–305.
- Marzi M. Demade politico e oratore [Demades: Politician and Orator]. *Atene e Roma [Athens and Rome]*, 1991, vol. 36, pp. 87–104. (In Italian)
- Mitchell F. W. Demades of Paeania and IG II². 1493, 1494, 1495. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 1962, vol. 93, pp. 213–229.
- Oikonomides A. N. Δημάδου τοῦ Παιανιέως ψηφίσματα καὶ ἐπιγραφικὰ περὶ τοῦ βίου πηγαί [Demades of Paeania: Decrees and Inscriptions Sources for Biography]. *Platon*, 1956, vol. 8, pp. 105–129. (In Greek)
- Roisman J., Worthington I. Introduction and commentary. *Lives of the Attic Orators: Texts from Pseudo-Plutarch, Photius, and the Suda*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2015, 381 pp.
- Squillace G. Filippo "triskadeikatos theos" nella proposta di Demade del 338 a.C. [Philip "the Thirteenth God" in the Proposal of Demades in 338 B.C.]. *Miscellanea di studi storici [A Collection of Historical Studies]* (1998–2001), 2002, vol. XI, pp. 31–46. (In Italian)
- Squillace G. La figura di Demade nella vita politica ateniese tra realtà e invenzione [The figure of Demades in the Athenian Political Life — between Reality and Invention]. *Mediterraneo Antico [The Ancient Mediterranean]*. An. VI, fasc. 2, 2003, pp. 751–764. (In Italian)
- Taylor C. Bribery in Athenian Politics Part I: Accusations, Allegations, and Slander. *Greece & Rome*, 2001, vol. 48, pp. 53–66.
- Thalheim T. Demades. *RE*, 1901, Bd. 4, Sp. 2703–2704. (In German)

- Williams J. M. Demades' Last Years, 323/2–319/8 B. C.: A "Revisionist" Interpretation. *Ancient World*, 1989, vol. 19, pp. 19–30.
- Worthington I. The Context of [Demades] On the Twelve Years. *Classical Quarterly*, 1991, vol. 41, pp. 90–95.
- Worthington I. Demosthenes and Alexander the Great. *Demosthenes: Statesman and Orator*. Ed. by I. Worthington. London, New York, Routledge, 2000, pp. 90–113.
- Worthington I. Demades Re-Examined. *Classical Review*, 2002, vol. 52, pp. 41–42.

For citation: Kudryavtseva T. V. Demades: pacis suasor, belli dissuasor. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, issue 4, pp. 159–173. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.412

Статья поступила в редакцию 9 апреля 2016 г.
Рекомендована в печать 2 сентября 2016 г.